

А.С. ВАТОРОПИН

ИСЛАМИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ГЕНЕЗИС, ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Автор анализирует процесс распространения исламистского движения в современной России и рассматривает перспективы его развития. Особое внимание уделено таким регионам, как Северный Кавказ, Татарстан, Урал. Выявлены структура и характерные черты исламистского движения, предложены меры противодействия исламистам в нашей стране.

Ключевые слова: исламизм, салафизм, исламистское движение, умеренные и радикальные исламисты, традиционный ислам.

В настоящее время социологи, религиоведы, религиозные деятели, политологи, политики и средства массовой информации отмечают в разных частях мира, в том числе и в России, быстрое развитие исламизма. Мы обратились к данной теме, поскольку этот феномен — и в силу своей социальной значимости, и из-за реальной угрозы стабильности и общественной безопасности во многих странах — требует теоретической рефлексии.

Приведем определение, данное исламизму Александром Игнатенко: «Исламизм — идеология и практическая деятельность, ориентированные на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества

Ваторопин Александр Сергеевич — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института-филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Адрес: 620990, Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66, Уральский институт — филиал РАНХиГС, к. 506. **Телефон:** +7912 650-10-40, (343) 251-71-86.

Электронная почта: nihon@olympus.ru, woland2401@e1.ru

(государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами, будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате (системе нормативных положений, выведенных из Корана и Сунны). Иными словами, речь идет о реализации проекта по созданию политических условий для применения исламских (шариатских) норм во всех сферах человеческой деятельности» (цит. по [10]). Возникает вопрос: кто они — носители исламистской идеологии? Кто осуществляет названную практическую деятельность и реализует шариатский «проект»? Политики, религиозные деятели, простые мусульмане? Или и те, и другие, и третьи? Думается, именно последнее предположение наиболее близко к истине. Поэтому мы, опираясь на общее определение, по которому социальное движение представляет собой массовые коллективные действия по реализации специфических интересов и целей [16, с. 62], можем идентифицировать исламистов как *социально-религиозное движение*.

Это движение, судя по описанию в литературе, с одной стороны, довольно аморфно, так как не имеет четких идеологических границ (представители разных течений ислама то относятся к нему, то исключаются из него, например сторонники Нурси), с другой — у него есть определенные организационные структуры как иерархические, вплоть до государственных (например Саудовская Аравия, Катар, Иран и др.), так и сетевые (например «Аль-Каида»). Организационные структуры выполняют роль центров распространения исламизма, что не мешает им активно конкурировать и даже воевать друг с другом. Данное обстоятельство не позволяет нам говорить о сплоченном исламистском движении, подчиненном общему плану и реализующем единый проект. Пожалуй, по настоящему его объединяет лишь единственное стремление построить общество, живущее по законам шариата, но и в этом случае предлагаемые социальные модели имеют заметные различия.

Исламистское движение можно дифференцировать по разным основаниям. Например, по религиозным направлениям исламисты делятся на суннитов и шиитов. Внутри этих направлений можно выделить многочисленные течения. К суннизму относятся ваххабизм, нурсизм, идеология таких организаций, как «Хизб ут-Тахрир» (Исламская партия освобождения) и «Аль-Ихван аль-Муслимун» (панисламская ассоциация «Братья-мусульмане»). Все они представлены в России.

Религиозная основа этих течений — так называемый салафизм, сутью которого является идея возвращения к первоначальному исламу времен пророка Мухаммеда и отрицание всех позднейших нововведений. Исламизм в полной степени выражает *социально-политическую сущность* салафизма: создание общества и государства,

основанного на законах шариата, и конечная цель — установление всемирного халифата. Оба этих понятия можно рассматривать как синонимы, поскольку у них одно основание, но разные акценты.

Следующий критерий дифференциации исламистов — степень радикализма. Имеет смысл выделять как радикальные *цели*, так и радикальные *средства*. На наш взгляд, все исламисты преследуют одну радикальную цель — шариатское общество. Существенно другое — какие пути они для этого выбирают, включают ли их радикальные средства борьбы непримиримость по отношению к тем, кто не принимает идеи шариата. Условно назовем противников насильственных действий «умеренные исламисты», а сторонников — «собственно радикалы», или «экстремисты».

Распространение исламистского движения в мире в целом и в России в частности представляют собой взаимосвязанные процессы. Рассмотрим их.

В настоящее время довольно сложно точно обозначить момент, о котором можно было бы сказать, что именно с него начался современный глобальный исламистский «ренессанс». Тем не менее анализ литературы позволяет предположить, что исламизм стал активно проявлять себя в конце 1970-х — начале 1980-х годов. До этого, судя по всему, в течение 20–25 лет шел процесс его становления, связанный с отрицанием глобализации, рассматриваемой, как мировая экспансия западных ценностей и образа жизни, аморальных с точки зрения традиционного общества.

Два главных центра исламизма — Саудовская Аравия (суннитский исламизм) и Иран (шиитский исламизм) — выявились в 1990-е годы. Как известно, между суннитами и шиитами ведется теологическая, политическая и даже военная борьба, однако обе конфессии иногда находят общий язык на базе исламистской идеологии. Например, Усама бен Ладен, будучи суннитом ваххабитского толка, в феврале 1998 года подписал договор о сотрудничестве с шиитским Корпусом стражей исламской революции Ирана. Исламисты действуют не только в указанных странах. Не вызывает сомнения наличие глобальной сети исламистских движений и организаций, опутавшей весь мир — от Ближнего и Среднего Востока до Европы и США.

Сегодня мы являемся свидетелями нового всплеска исламизма в арабском мире, связанного с так называемой «арабской весной» — цепью антиавторитарных революций в Северной Африке и на Ближнем Востоке. «Арабская весна» — сложный феномен, отражающий столкновение интересов самых разных политических сил не только этого региона, но и Ирана, Запада, Китая и России. Едва ли не главными игроками и бенефициариями здесь выступают исламисты суннитского толка. В Египте к власти пришли представители политико-

религиозного движения «Братья-мусульмане» и в соответствии со своими идеалами перестраивают общество и государство. В Мали исламисты из «Аль-Каиды» захватили половину страны и также провозгласили шариатское государство. Усилились позиции исламистов в Тунисе, Ливии, Сирии и других странах Сахеля и Ближнего Востока.

Разумеется, неверно представлять распространение исламизма простым линейным развитием. Это процесс амбивалентный и асинхронный. Практически везде исламисты сталкиваются с мощным сопротивлением как внутри мусульманских стран (Египет фактически находится на грани гражданской войны), так и со стороны мирового сообщества (недавняя интервенция Франции и других стран НАТО в Мали). Где-то это приводит к потере их позиций, как это случилось в Афганистане с талибами. Однако налицо совершенно недвусмысленная тенденция, поэтому так или иначе, но приходится констатировать непреложный факт: *несмотря на противодействие, исламистское движение постепенно распространяет свое влияние на все большее число регионов мира.*

Россия не осталась в стороне от общемировых веяний; мы можем видеть проникновение исламизма в разные районы страны. Остановимся подробнее на том, каким образом этот процесс происходит.

В России господствует так называемый традиционный ислам, исторически утвердившийся в разных субъектах РФ, прежде всего на Северном Кавказе и в Поволжье. Его отличительные особенности — отсутствие претензий на светскую власть, сотрудничество с государственными органами и толерантность к другим конфессиям. Как это принято у мусульман всего мира, в нашей стране тоже нет единой исламской организации. Существуют структуры, претендующие на общероссийский статус, среди них: Совет муфтиев России (далее СМР, во главе которого стоит председатель Равиль Гайнутдин; Центральное духовное управление мусульман России (далее ЦДУМ), во главе которого стоит верховный муфтий Талгат Таджуддин; Российская ассоциация исламского согласия (далее РАИС), которую возглавляет председатель Мухаммад Рахимов [8]. Они имеют собственные подразделения. Например, на сегодняшний день в составе ЦДУМ действуют местные религиозные организации — махалля (далее МРО), в пределах одного района совокупность МРО образует территориальное правление — мухтасибат; из объединения мухтасибатов складывается институт Регионального духовного управления — ахундство (далее РДУМ) [8]. При этом последние обладают определенной автономией и могут отделиться от центральной организации. Так, в 2012 году ДУМ Пермского края и Урала вышли из РАИС и тем самым сильно подорвали ее влияние [8]. Следует отметить, что между этими структурами существует конкуренция, и у всех у них наблюдаются определенные трения с органами государственной власти.

Естественно, все перечисленные обстоятельства — и прежде всего разобщенность — не способствуют усилению позиций традиционного ислама в России. Тем не менее, по данным Института социологии РАН, его продолжают придерживаться большинство российских мусульман, составляющих 4% населения страны [1].

Исследователи отмечают, что со второй половины 1990-х годов в России началось активное распространение разных форм салафизма и исламизма. И прежде всего это касается таких регионов, как Чечня и Дагестан. В Первую чеченскую кампанию чеченские боевики воевали под националистическими и сепаратистскими лозунгами, но уже Вторую кампанию (вторжение в Дагестан в августе 1999 года) начинали как носители ваххабитской идеологии, а в отдельных районах непризнанной Чеченской республики Ичкерии уже действовали законы шариата (например в Сержень-Юрте под руководством иорданца Хаттаба), и шариатские суды выносили смертные приговоры. Тогда же в Дагестане образовались ваххабитские анклав.

Ликвидация Ичкерии и дагестанских анклавов силами российской армии не привела к исчезновению ваххабитской идеологии. Вытесненные из Чечни боевики-исламисты ушли в другие республики Северного Кавказа, где стали создавать свои оплоты (особенно в Дагестане), обрели там новых сторонников и нашли ресурсы, поступавшие из мусульманских стран.

Социологические исследования, проведенные в этих республиках, дают вполне определенную картину. Опросы населения показывают, что сегодня ваххабизм получил наибольшее распространение в Чечне, Дагестане и Ингушетии [4]. Впрочем, следует заметить, что результаты этих опросов не однозначны. Так, большинство жителей Чечни и Ингушетии, включая русских, открыто не признают, что у них распространен ваххабизм; в обратном уверены только 16% чеченцев и 14% ингушей, а также 37% русских, проживающих в Чечне, и 17% русских, проживающих в Ингушетии; затруднились с ответом 44% чеченцев и 37% русских, проживающих в Чечне, около 50% ингушей и более 60% русских, проживающих в Ингушетии [4, с. 109]. Отсюда напрашивается следующее предположение: либо местное население в данных субъектах РФ скрывает истинное положение вещей, и ваххабитов там много; либо — и на наш взгляд, это наиболее вероятно — оно просто боится действующих там боевиков-исламистов, которых, может быть, относительно немного. В любом случае, придется признать, что влияние исламизма в Чечне и особенно в Ингушетии очень заметно.

В Дагестане ситуация более прозрачная: 55% дагестанцев и 61% русских открыто заявляют, что у них распространен ваххабизм в наибольшей степени. В других республиках Северного Кавказа ваххабиты

тоже присутствуют, но в меньшей степени [4]. Таким образом, судя по результатам опросов, самым исламистским субъектом РФ является Дагестан; в зоне риска находятся Ингушетия (почти половина респондентов — сторонники шариата, а каждый четвертый затруднился с ответом), Карачаево-Черкесия (треть населения хочет жить в шариатском государстве и еще 20% затруднились ответить) и Кабардино-Балкария (около половины опрошенных говорят о наличии в их населенном пункте ваххабитов) [4, с. 109, 112].

Исследователи отмечают, что носителями исламистских и салафитских взглядов обычно становятся представители социальных слоев или этнонациональных общностей, не имеющих доступа к бюджетным средствам, поступающим в северокавказские республики от федеральной власти. Можно выделить две группы: 1) люди с тяжелым материальным положением и безработные [7, с. 44]; 2) образованные круги общества, по сути, интеллектуальная элита. Многие представители первой группы, особенно молодежь, пополняют ряды бандформирований исламистов-экстремистов. Представители второй группы, не адаптировавшись к социально-экономической ситуации на Северном Кавказе, борются за власть и пытаются приспособиться, опираясь на исламистскую риторику, поддерживают экономические и образовательные связи с мусульманами Саудовской Аравии, Ирана, Иордании и Турции [4, с. 111]. Эти исламисты могут придерживаться как экстремистских, так и умеренных взглядов.

Разумеется, не следует все причины роста исламистских настроений сводить только к экономическим проблемам. Опросы показывают, что, по мнению респондентов, религиозный экстремизм обусловлен такими факторами, как коррумпированность власти и ее олигархический характер, неудовлетворенность работой, нравственная деградация общества, религиозная неграмотность, клановость социальной системы, влияние международных мусульманских организаций [7, с. 45].

Рассматривая ситуацию на Северном Кавказе, необходимо подчеркнуть, что федеральная власть не только ведет против исламизма активную военную и идеологическую борьбу, но и использует финансово-экономические рычаги воздействия на северокавказские республики. По существу, создан мощный фронт противодействия распространению ваххабизма в регионе. Пожалуй, самый успешный пример такого отпора дает современная Чечня, переставшая быть главным оплотом исламизма на Кавказе.

В авангарде этой борьбы стоят правящие элиты республик, в том числе бизнес-элиты, неразрывно связанные с российским рынком, а также представители традиционного ислама (тарикат, или суфизм) и догматического богословия (шафиитский и ханафитский мазхабы) [6].

В связи с этим интересно отметить, что борьбу с ваххабизмом в Чечне возглавил в конце 1990-х годов именно религиозный деятель — муфтий республики Ахмад Кадыров. Элиты опираются на поддержку тех слоев населения, которые хотят жить в светском государстве (от половины до трех четвертей представителей титульных наций в республиках, за исключением Ингушетии, и подавляющее большинство русских [7, с. 112]).

По сути, на Северном Кавказе идет война на уничтожение. Боевики-исламисты убивают представителей власти, силовых структур, журналистов, в последнее время под ударом находятся и религиозные деятели традиционного направления. В свою очередь и местные, и федеральные силовики постоянно сообщают об уничтожении сотен исламистов. Однако окончания этой борьбы пока не видно.

Такова ситуация в этом регионе России. До недавнего времени считалось, что проблема исламизма ограничивается именно северокавказскими республиками. Но в последние годы все чаще поступает информация о проникновении исламистов в другие субъекты РФ и прежде всего в Татарстан, где о салафитах начали говорить с 2000 года [5]. Вероятно, следует признать справедливое утверждение, что в данной республике постепенно возникает еще один оплот салафизма и исламизма.

Действительно, в Татарстане в 2010 году заметно обострилась обстановка, связанная с деятельностью исламистов, особенно после ноябрьской террористической вылазки в Нурлатском районе, когда пришлось задействовать большие силы правоохранительных органов; во время спецоперации были уничтожены три боевика. Этот драматический инцидент развивался на фоне знаменательных событий. Отметим заявление имама мечети «Эниляр» Шавкята Абубекерова, сказавшего в интервью местной газете, что «все сохранившееся дореволюционное татарское богословское наследие не стоит и половины книг, находящихся в библиотеке его личного кабинета в мечети, а гордость за наследие татарской богословской мысли есть ни что иное, как пустое бахвальство» [5]; причем имам пропагандировал именно салафитскую литературу. В те же дни в Центре исламской культуры «Иман» открылся форум религиозных и научных деятелей, полностью посвященный проблеме ваххабизма в республике; на нем заместитель председателя ДУМ РТ Валиулла Якупов отметил, что «ряд чиновников высокого ранга, представители банковского и бизнес-сообщества сознательно осуществляют финансирование ваххабитской проповеднической машины, выступая фактическими соучастниками терроризма» [5]. Тогда же начал свою работу научно-практический семинар «Салафизм в Татарстане: распространение, конфликтный потенциал, меры противодействия», на котором бывший

муфтий Фарид Хайдаров обвинил ДУМ РТ в распространении салафизма [5].

В настоящее время, по некоторым оценкам, число салафитов в Татарстане превышает три тысячи человек [18]. Судя по данным СМИ, салафитские оплоты имеются в Казани, Альметьевске, Нижнекамске [5; 15] и Набережных Челнах, то есть в столице республики, нефтяном, нефтехимическом и автомобильном центрах Татарстана. В Казани исламисты группируются вокруг мечетей «Аль-Ихлас», «Салихжан», «Нурулла», «Ометлеяр», частных исламских центров «Семья», «Рашида». Имам мечети «Аль-Ихлас» Рустем Сафин, имея отношение к запрещенной в России организации «Хизб ут-Тахрир», вовлекает в свою деятельность не только местных мусульман, но и приезжих из Средней Азии мигрантов [12]. Заметной акцией исламистов стал автопробег, проведенный 22 декабря 2012 года по случаю освобождения из колонии их сторонника [5].

В то же время нельзя не отметить, что, как и на Северном Кавказе, в Республике Татарстан с исламистами идет непримиримая борьба, причем кроме государственных органов ее возглавляют и религиозные деятели-ханафиты. За последние годы они сумели вывести из-под контроля салафитов основные учебные заведения, в том числе Российский исламский университет [5], а в начале 2013 года закрыть мечеть «Аль-Ихлас» [12]. В ответ исламисты развязали террор. Самым громким преступлением стало двойное покушение на руководителей ДУМ РТ, совершенное 19 июля 2012 года, в результате которого Валиулла Якупов был убит, а муфтий Илдус Файзов тяжело ранен.

В целом ситуация в Татарстане довольно сложная, хотя и не настолько, как на Северном Кавказе. Правда, через несколько лет, по мнению специалистов, она может значительно ухудшиться.

Исламизм может распространяться не только в традиционно мусульманских регионах. Показателен пример самого крупного татарского села в России — Средней Елюзани (Пензенская область). В селе, жители которого даже в советское время отстаивали свое право на традиционный ислам, с конца 1990-х годов стали появляться «молодые» имамы — местные елюзанцы, прошедшие подготовку в арабских исламских университетах. Новая генерация духовенства отвергала традиционные мусульманские нормы и обряды («народный ислам»), объявив их грехом; взамен вводились принципы «истинного» ислама, то есть жесткое соблюдение требований Корана, пятикратный намаз и многое другое. Отметим, что новое направление в основном поддерживают молодое и среднее поколения [10].

Исследователи особенно подчеркивают положительное влияние исламизма на экономическую и моральную ситуацию в Средней Елюзани. Жители села, быстро приспособившись к рыночным условиям,

ведут довольно зажиточный образ жизни; практически истреблено пьянство, многие бросают курить; женщины ходят в скромной одежде, не может быть и речи о сексуальной распущенности [10]. Все это достигается за счет жесткого контроля и суровой критики со стороны «молодых» имамов, которые утверждают свое видение религиозных норм. Разумеется, далеко не все сельчане приветствуют «новый» ислам; в борьбу с ним вступили «старые» имамы, то есть традиционное духовенство, и значительная часть жителей, особенно старшее поколение. В результате они добились закрытия в селе исламистского медресе. Тем не менее салафиты в Средней Елюзани укрепились и даже добились расположения местной администрации, которая в последние годы стремится примирить — и безуспешно — враждующие стороны [10].

Исламизм укрепляет свои позиции в Уральском федеральном округе, где представлены как умеренные исламисты, так и экстремисты. Практически все они сунниты. Распространение исламистского движения в Свердловской, Челябинской, Тюменской областях и в Ханты-Мансийском автономном округе отмечает социолог и религиовед Роман Силантьев [13]. О сложной ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе, сильных ваххабитских течениях в Челябинской области и общей активизации исламистов во всем Пермском крае предупреждает глава исполкома Всероссийского муфтията муфтий Пермской области Мухаммедгали Хузин [9]. Таким образом, мы можем говорить, что в наши дни постепенно формируется мощный исламистский центр, охватывающий так называемый Идель-Урал, то есть территории от Поволжья до Урала.

Носителями этой религиозно-социальной идеологии в округе, как считают эксперты, являются две основные социальные группы, наиболее подверженные влиянию исламистской пропаганды, — мусульманская молодежь, главным образом в сельской местности [3], и мигранты с Северного Кавказа и из Средней Азии [9]. По наблюдениям муфтия Мухаммедгали Хузина, все мусульманские организации Ямало-Ненецкого округа утратили способность понимать межрелигиозные и межэтнические отношения, поскольку «находятся под тотальным контролем как северокавказских, так и среднеазиатских диаспор» [9]. У нас нет оснований считать, что все эти мусульмане относятся к экстремистам, но именно они, судя по всему, входят в группу риска.

По данным исследователей и религиозных деятелей традиционного ислама, исламисты организуются вокруг некоторых мечетей, создают собственные муфтияты, часто раскалывая традиционные мусульманские организации. Р. Силантьев отмечает, что в Свердловской области существует пять юрисдикций: «Два муфтия — традиционные,

два — ваххабиты, про одного до конца пока понять не можем. В Челябинской области доминируют традиционные мусульмане. Там три юрисдикции, но муфтия два — один ваххабит, один — нормальный. В Тюменской области — два муфтия ваххабита, один нормальный» [13]. Считается, что исламисты пользуются поддержкой некоторых лидеров традиционного ислама; впрочем, это предположение требует доказательств и проведения отдельного исследования. Сегодня ваххабиты в состоянии оказывать влияние на власть, особенно местную, и даже запугивать ее [13]. Но самое опасное — возможность развертывания на территории Уральского федерального округа террористической деятельности по аналогии с Северным Кавказом и в последнее время с Татарстаном. Тенденция развития исламистского движения в этом регионе такова, что власти, особенно спецслужбы, а также население должны быть готовы к самым радикальным сценариям. Однако нам не известно, проводится ли какая-нибудь серьезная профилактическая работа.

Распространение исламизма в России не ограничивается названными регионами. Есть информация, что салафиты довольно активно проявляют себя в Москве, Санкт-Петербурге, Нижегородской области и в Волгоградской области, где зафиксировано даже появление русских ваххабитов. Судя по всему, есть исламисты и в других субъектах РФ. Нужно отметить роль Интернета и социальных сетей (например «ВКонтакте»), через которые ведется вербовка ваххабитов и особенно шахидов [13]. Один из каналов распространения исламистской идеологии — пенитенциарные учреждения, в которых отбывающие срок экстремисты активно вовлекают в свои ряды сторонников [17].

***

Характеризуя в целом исламистское движение в России, выделим его основные черты.

Главное, что необходимо отметить: в нашей стране исламизм не имеет глубоких исторических корней, поскольку заимствован извне и является производным от глобального исламистского движения. Более того, *российский исламизм — неотъемлемая часть современного мирового исламизма*, и это дает нам возможность анализировать его, опираясь на имеющийся зарубежный опыт.

Исламистское движение в России носит *диффузный* характер. Во-первых, оно постепенно втягивает в свою орбиту все новых неофитов — причем не только мусульман, но и тех, кто по своему происхождению, воспитанию, культуре не имели отношения к исламу. Во-вторых, оно охватывает все новые регионы — даже те, в которых мусульмане представляют абсолютное меньшинство. Процесс этот противоречивый и не континуальный, но выявившаяся за последние двадцать лет тенденция не оставляет сомнений: исламизм распространяется

медленно, но неуклонно и, надо полагать, неизбежно проникнет во все регионы страны.

Степень радикализма исламистского движения, по нашему мнению, определяется не столько внутрироссийской ситуацией, сколько политическим и военным положением на Ближнем и Среднем Востоке и в странах Сахеля, а также характером вовлеченности в эти процессы России. Чем сильнее страна будет реагировать на международную борьбу с глобальным исламизмом, тем больше вероятности, что радикализируются российские исламисты. Это хорошо видно на примерах, когда Россия заняла разные позиции по отношению к конфликтам в Мали и Сирии. Отказавшись от вмешательства в гражданскую войну в североафриканской стране, Россия обезопасила себя от реакции со стороны исламистов, весь гнев которых обрушился на Францию. Поддерживая президента Асада, сражающегося с оппозицией, в чьих рядах много радикальных исламистов, Россия оказывается под ударом влиятельных исламистских вождей (духовный лидер «Братьев-мусульман» шейх Юсуф аль-Кардави объявляет ее «врагом номер один для ислама и мусульман» [11]), а внутри страны повышается угроза террористических актов со стороны мусульманских экстремистов [2]. Заметную роль в этой ситуации играет финансирование последних международными исламскими организациями. Так или иначе, вышесказанное свидетельствует о том, что *степень радикализма исламистского движения в России постоянно колеблется, причем в большей степени под влиянием внешнеполитических факторов.*

На наш взгляд, важной характеристикой исламизма является его способность создавать политические институты и осуществлять государственную власть. Исламисты уже доказали, что способны расширять свое влияние в обществе, проникая в экономические, политические, муниципальные, региональные и даже государственные структуры. Но могут ли они создать и сохранить общество и государство, базирующиеся на законах шариата? Думается, однозначного ответа на этот вопрос пока нет. С одной стороны, современный мир знаком с моделью длительного существования таких исламистских государств, как Саудовская Аравия (ваххабизм) и Иран (шиитский исламизм). С другой стороны, за последние два десятилетия исламисты не смогли удержать завоеванную государственную власть в Ичкерии, Афганистане, Мали. Причины этого — не только внешнее военное воздействие, но и внутренняя политическая оппозиция, как светская, так и религиозная (традиционный ислам). Яркий пример возникающих у исламистов трудностей демонстрирует постреволюционный Египет, где «Братья-мусульмане» с трудом сдерживают оппозицию от нового витка революционных действий. Вполне вероятно, что именно Египет

даст ответ на вопрос, могут ли современные исламисты, не имеющие реального опыта государственного управления, не только захватить, но и сохранить политическую власть.

На сегодняшний день факты свидетельствуют только о том, что диффузные движения в определенный исторический период *могут трансформироваться в государственные (или квазигосударственные) органы*, а в случае потери власти они *снова возвращаются к своему первоначальному состоянию*, причем по-прежнему (как талибы в Афганистане) надеясь на свою окончательную победу.

Что касается России, то приход к власти исламистов в масштабе всей страны выглядит практически нереальной перспективой, однако опыт Чечни 1990-х годов показывает: их претензии на власть в мусульманских регионах могут иметь определенные основания. Поэтому проблема прихода исламистов в органы государственного управления в некоторой степени актуальна и для нашей страны.

Характеристика исламистского движения будет неполной, если мы не попытаемся ответить на вопрос, в чем причина его успехов в современном мире. Казалось бы, движение со столь реакционной идеологией не может рассчитывать на что-то серьезное в XXI веке — веке информационного общества, впечатляющих научных достижений, потрясающих перспектив развития человечества. Однако пороки современной цивилизации так же велики, как и ее достоинства. Есть люди, считающие, что она находится в глубоком кризисе, что само существование человечества под угрозой, если общество будет развиваться в том же направлении. Единственный выход они видят в том, чтобы вернуться назад — по сути, в средневековое общество с его традиционной религиозной моралью и ценностями. Назовем исламизм болезнью современной цивилизации, индикатором ее кризиса, в конечном счете — ее наказанием.

Проблема в том, что «болезнь-наказание» никуда не исчезнет, пока не изменится цивилизация. Это в полной мере относится и к современной России. Однако так или иначе, но бороться с этой болезнью надо, отдавая себе отчет, что полностью ее победить нельзя.

***

Какие меры следует предпринять, чтобы препятствовать распространению исламистского движения в России? В первую очередь необходимо дифференцировать отношение к тем, кто в него входит. Условно они составляют три основные группы: радикальные исламисты, умеренные исламисты и колеблющиеся между исламизмом и традиционным исламом мусульмане. К представителям первой группы надлежит относиться бескомпромиссно и принципиально: их выявляют и нейтрализуют. Ко второй группе подобает относиться более терпимо, поскольку любые попытки загнать умеренных исламистов в

подполье только приведут к их радикализации. Впрочем, это не означает, что ситуация с «умеренными» не может быть гибкой. По нашему мнению, все мечети, в которых имамами являются исламисты, целесообразно передать организациям, исповедующим традиционный ислам. Умеренные исламисты не должны иметь открытой публичной трибуны, при этом не следует препятствовать им собираться *частным образом*, так как речь не идет об их личном преследовании. Фактически мы говорим о превращении умеренных исламистов в сектантов, то есть самоизолированные от общества группы. Все эти мероприятия, разумеется, нуждаются в контроле соответствующих государственных и муниципальных органов и силовых структур и проводятся под персональную ответственность их представителей. С третьей группой — колеблющимися мусульманами — требуется методичная работа со стороны духовного управления мусульман; ради этой цели стоит подумать о создании специальных структур.

Борьба с исламизмом в России может и даже обязана носить системный характер. Не исключено, что пришло время издать специальный антиисламистский закон, в котором должны быть прописаны все необходимые меры, что придаст противостоянию этой угрозе большую легитимность.

В заключение еще раз подчеркнем, что борьба предстоит упорная и чрезвычайно сложная, и вряд ли в ней возможна полная победа — по крайней мере в обозримой перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. 79% россиян являются православными, 4% — мусульманами — опрос [электронный ресурс]. Дата обращения 28.02.2013. URL: <<http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=49624>>.
2. Варкентин А. СРОЧНО! Лидеры северокавказского бандподполья готовят теракт на Урале. «С праздником...» [электронный ресурс]. Дата обращения 28.02.2013. URL: <<http://www.ura.ru/content/svrd/22-02-2013/news/1052153835.html>>.
3. Ваххабиты вербуют соратников на Южном Урале. Их община уже действует в закрытом городе атомщиков! [электронный ресурс]. Дата обращения 28.02.2013. URL: <<http://vi-las.livejournal.com/2942.html>>.
4. Дзуцев Х.В. Ваххабизм в республиках Северного Кавказа Российской Федерации: реалии и последствия // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 107–114.
5. Ислам в Татарстане: ханафиты, салафиты, ваххабиты... [электронный ресурс]. Дата обращения 28.02.2013. URL: <<http://www.millifirka.org/content/8917>>.
6. Малащенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. Гл. 2 [электронный ресурс]. Дата обращения 28.02.2013. URL: <<http://www.kursach.com/biblio/0002003/201.htm>>.

7. *Муслимов С.Ш.* Молодежь Дагестана о религиозно-политическом экстремизме и терроризме // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 42–47.
8. Мусульман преследуют радикальные неудачи [электронный ресурс]. Дата обращения 28.02.2013. URL: <http://religion.ng.ru/facts/2013-01-16/1_musulmane.html>.
9. Муфтий Хузин бьет тревогу по поводу активизации ваххабитов на Урале [электронный ресурс]. Дата обращения 28.02.2013. URL: <<http://www.serafime.ru/lin/new.php?re=1&sid=1895&cat=1>>.
10. *Петухов В.Б.* Джихад в контексте информационного вызова исламистских террористов [электронный ресурс]. Дата обращения 28.02.2013. URL: <<http://www.islamrf.ru/news/umma/islam-world/2511>>.
11. Посланцев халифата зовут в Москву [электронный ресурс]. Дата обращения 28.02.2013. URL: <http://religion.ng.ru/politic/2012-12-05/1_halifat.html>.
12. Радикалы из казанской мечети Аль-Ихлас могут направиться в другие мечети, предупреждает эксперт [электронный ресурс]. Дата обращения 28.02.2013. URL: <<http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=49625>>.
13. Религиовед Роман Силантьев: ваххабиты уже стали министрами и прокурорами [электронный ресурс]. Дата обращения 28.02.2013. URL: <<http://www.66.ru/news/society/126635/>>.
14. *Сагитова Л.В.* Традиционное и новое в исламе: кейс Средняя Елюзань // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 104–114.
15. Салафиты Татарстана давят на чиновников [электронный ресурс]. Дата обращения 28.02.2013. URL: <<http://www.muslims-volga.ru/?id=3188>>.
16. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Ред. Г.В. Осипов. М.: Норма, 1998.
17. *Сулейманов Р.Р.* Тюремный халифат [электронный ресурс]. Дата обращения 28.02.2013. URL: <http://www.ng.ru/regions/2013-02-21/3_kartblansh.html>.
18. The Economist: Теракты в июле вряд ли будут последним взрывом или последним убийством в Татарстане [электронный ресурс]. Дата обращения 28.02.2013. URL: <<http://www.business-gazeta.ru/article/65584/>>.